

ОТСТУПЛЕНИЕ ВЕЛИКОЙ АРМИИ ОТ МОСКВЫ ДО СМОЛЕНСКА В ПИСЬМАХ ЕЕ СОЛДАТ

Великая армия вошла в Москву 14 сентября¹ 1812 г. Наполеон надеялся найти здесь большие запасы провианта для своих войск и предполагал заключить мир с Александром I на выгодных для Франции условиях. Однако вместо зимних квартир и долгожданного мира французы вынуждены были бороться с пожаром, уничтожившим, как утверждали бюллетени, до трех четвертей города². В сожженном городе, тем не менее, осталось еще довольно много припасов, но все попытки начать мирные переговоры ни к чему не привели. Александр I отказался обсуждать какие-то ни было условия, а Ж.А. Лористон, отправленный императором французов в ставку М.И. Кутузова, вернулся ни с чем.

Французы пробыли в Москве почти месяц в надежде на то, что русский император все-таки начнет переговоры. Но после того как 18 октября в столкновении при Тарутино (которое носит также название боя при р. Чернишне) отряд И. Мюрата был отброшен со своих позиций, Наполеон с основными силами решил оставить Москву и направиться навстречу русской армии, разбить ее и отойти в западные области России, чтобы быть ближе к своим основным базам снабжения и фланговым корпусам. Приказ об эвакуации из Москвы был издан 20 октября, последние части Великой армии оставили город 22 числа.

Город покидало около 100 тыс. боеспособных солдат. Правда, кавалерия, которая на протяжении большей части кампании гналась за отступавшей русской армией, испытывала острый недостаток в лошадях и фураже. Но пехота была вполне в хорошем

Николай Владимирович Промыслов, младший научный сотрудник ИВИ РАН.

¹ Все даты даны по новому стилю.

² См., напр.: Бюллетень Великой армии № 21 (Moniteur Universel. 1812. № 281).

состоянии, что и доказала битва за Малоярославец 24 октября, в результате которой французы после тяжелых боев все же заняли город. Однако армия Кутузова по-прежнему закрывала путь на Калугу, и Наполеон, едва не захваченный казаками во время рекогносцировки ночью 25 октября³, отдал приказ отходить к Смоленску через Можайск, Бородино и Дорогобуж по разоренной Смоленской дороге.

И если в начале пути у императора, как уже говорилось, имелось не менее 100 тыс. строевых солдат, то при подходе к Смоленску от них осталось уже только около половины. Остальные погибли в столкновениях с русской армией, попали в плен или отстали от своих частей. Таким образом, путь от Москвы до Смоленска стал для армии Наполеона началом конца.

Боевые действия Великой армии на пути от Москвы до Смоленска неоднократно описаны как в мемуарной литературе⁴, так и в исторических исследованиях⁵. Здесь же мы попытаемся разобраться в том, что думали и чем жили участники похода в этот период? Как воспринимали они страну, в которой оказались по воле императора?

* * *

Основным источником для моего исследования служит переписка, перехваченная летучими отрядами российской армии, между французскими военными, находившимися в России, и их друзьями и родственниками, пребывавшими вне зоны боевых действий. Эти документы отложились в нескольких российских архивах⁶. Значительная часть их была опубликована с подробным научным комментарием в начале XX в. директором Государственного

---

³ Васильев А.А. «Ура», спасшее Наполеона. Схватка казаков с конвоем и свитой французского императора под Городней 13 (25) октября 1812 г. // Наполеон. Легенда и реальность. Мат-лы науч. конференций и наполеоновских чтений. 1996-1998. М., 2003. С. 102-112.

⁴ См. например: *Де ла Флиз*. Поход Наполеона в Россию в 1812 г. М., 2003.; *Коленкур А.* Мемуары. Таллинн, М., 1994; *Роос Г.У.* С Наполеоном в Россию: записки врача Великой армии. М., 2003; *Сезюр Ф.* Поход в Россию: мемуары адъютанта. М., 2002; *Bourgogne A.J.B.* Mémoires du sergent Bourgogne. 1812-1813. P., 1978; *Castellane E.V.E.B.* Journal. P., 1895. Т. 1 и др.

⁵ См.: *Бескровный Л.Г.* Отечественная война 1812 года. М., 1968; *Манфред А.З.* Наполеон Бонапарт. М., 1997; *Троицкий Н.А.* Великий год России. М., 1988; *Он же.* Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002; *Чандлер Д.* Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедии завоевателя. М., 2000; и др.

⁶ ОР РГБ. Ф. 41. Карг. 165. Ед. хр. 25-26; РГАДА. Ф. 30. Д. №№ 239-243, 245-267, 269.

архива иностранных дел С.М. Горяиновым в Париже⁷. Для своей публикации он отобрал преимущественно письма известных личностей: генералов, маршалов, попали в книгу и несколько писем будущего писателя Стендаля, в ту пору интендантского чиновника А. Бейля. Эта подборка была дополнена корреспонденцией, оставленной французской цензурой в Вильно и оказавшейся позднее в архиве французского МИДа. Письма неизвестных лиц в книге практически отсутствуют.

Корреспонденция из Великой армии была частично также опубликована в более популярном издании историка А. Шюке⁸. Подборка Шюке включает наряду с письмами, оставшимися в России, также документы и из французских архивов. В преддверии столетнего юбилея кампании 1812 года некоторые письма из Российского императорского архива были переведены на русский и опубликованы в отечественных периодических изданиях⁹. Но российские издатели, как правило, ограничивались лишь несколькими документами. Большая же часть этой корреспонденции у нас в стране не публиковалась.

Весь комплекс перехваченной корреспонденции охватывает преимущественно период с середины сентября по начало ноября, то есть с момента занятия Москвы до выхода главных сил армии из Смоленска. Именно тогда в тылу французов активно действовали летучие отряды русской армии, не раз прерывавшие коммуникационную линию неприятеля. Перехваченные эстафеты сохранялись и доставлялись в особую комиссию, которую возглавлял А.А. Аракчеев. Наиболее интересные, с его точки зрения, переводились и отправлялись Александру I для ознакомления¹⁰.

Из воспоминаний участников похода мы знаем, что с сентября по ноябрь 1812 г. эстафеты для императора и почтовые курьеры перехватывались регулярно. Кроме того, почту часто задерживали сами французы, так как лошадей не хватало, а имевшихся использовали, в первую очередь, на нужды Главной квартиры. Видимо, именно подобные задержки стали причиной того, о чем в начале ноября пишет своей жене генерал Ж.Д. Компан: «Понимаю, что твои родные были так же, как ты, обеспокоены моей судьбой, когда после 7 сентября от меня перестали приходить письма. И понимаю

⁷ Letters interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / Publ. S.E.M. Goriainow. P., 1913.

⁸ *Chuquet A. 1812 La guerre de Russie. P., 1912. Vol. 1-3.*

⁹ См., например: Русская старина. 1907. Сентябрь. Т. 131.

¹⁰ См.: Там же.

также, что они полностью разделили всю твою радость, когда ты получила сразу пять писем, поведавших тебе о моей жизни вплоть до 14-го (октября – Н.П.)»¹¹.

Письма же за первые месяцы войны представлены в указанных фондах лишь фрагментарно, так как российские летучие отряды тогда еще редко появлялись в тылу Великой армии. Более поздняя корреспонденция в российских архивах и вовсе отсутствует, видимо, из-за того, что в последние два месяца кампании французы находились в таких тяжелых условиях, что писать и отправлять письма стало практически невозможно¹².

Корреспонденция из воюющей армии шла через армейскую почтовую службу, которая на границе передавала все отправления в общую почтовую службу империи (*Direction général des postes*). Согласно регламенту 1809 г. на оккупированной территории местная почтовая инфраструктура не могла быть использована для доставки корреспонденции. Армейская почта должна была самостоятельно организовать промежуточные станции со своим персоналом. В штате каждой станции должен был состоять один обычный и один чрезвычайный курьер для доставки отправлений. С 1805 г. была также организована служба императорских эстафет. Армейская почта подчинялась интендантской службе и поэтому имела возможность осуществлять переводы денежных средств¹³.

Императорские эстафеты доходили от Парижа до Москвы за 15 дней с точностью до нескольких часов¹⁴. Но уже в период пребывания Великой армии в Москве начались задержки с доставкой почты и эстафет, во время отступления французов к Смоленску ситуация усугубилась. Участники похода пользовались для отправки личной корреспонденции либо армейской почтой, либо старались передать свое письмо с императорской эстафетой. Все письма, которые отправлялись по почте, проходили обязательную проверку «черного кабинета», имевшего право задержать любое отправление. Так, письмо генерала Э. Груши, командующего 3-м корпусом кавалерийского резерва, к жене от 16 сентября было задержано в Вильно и не дошло до адресата¹⁵. Цензурные правила

¹¹ См. ниже Приложение. Письмо № 1.

¹² *Letters interceptées par les Russes*. P. 302.

¹³ *Tulard J. Dictionnaire Napoléon*. P., 1999. P. 1380. Несколько образцов таких почтовых переводов отложились и в перехваченной корреспонденции. См.: РГАДА. Ф. 30. Д. 269. Ч. 1–2. Письма из-за границы во Французскую армию.

¹⁴ *Коленкур А.* Ук. соч. С. 184.

¹⁵ *Letters interceptées par les Russes*. P. 339.

были для всех одинаковы, и даже члены императорской фамилии не являлись исключением. Так, письмо королевы Гортензии к принцу Евгению Богарне от 13 ноября было задержано в Вильно и попало затем в архив министерства иностранных дел¹⁶. Кроме того, раздачу писем, пришедших через официальную почту, могли задерживать и по каким-то иным соображениям. Так, получив 6 ноября известия о заговоре К.Ф. Мале, Наполеон распорядился не раздавать писем, причем исключения не было сделано даже для высших армейских чинов¹⁷. Лишь через несколько дней, убедившись в полном провале заговора, император разрешил раздать всю полученную корреспонденцию¹⁸.

Неудобство обычной почты состояло еще и в том, что срок доставки ею корреспонденции мог доходить до нескольких месяцев. Так, солдат Маршал писал 25 сентября, что несколько дней назад получил письмо от 26 июля¹⁹. А некто Кудер сообщал жене 27 сентября, что был очень рад получить ее письмо от 12 июня²⁰.

Из-за всех этих трудностей, связанных с отправкой писем почтой, офицеры и чиновники Великой армии старались по возможности посылать личную корреспонденцию в обход официальной почты. Предпочтение при этом отдавалось эстафетам за их скорость. Так, адъютант маршала А. Бертье Альфред де Ноайль с гордостью сообщал жене, что его письмо она прочтет может быть даже раньше, чем бюллетень²¹. А генерал Ж.П. Брюйер писал жене из Смоленска, что отправляет письма только через императорские эстафеты²². Граф М. Дюма на своих личных письмах иногда ставил пометку рядом с адресом «*par estafettes*», видимо непосредственной отправкой его корреспонденции мог заниматься один из адъютантов, и эта надпись была, скорее всего, предназначена для него²³. На деловых письмах такое примечание есть на всех письмах из того комплекса, который отложился в РГАДА, но в отличие от личной корреспонденции она могла ставиться как рядом с адресом на конверте²⁴, так и в заголовке²⁵.

¹⁶ Ibid. P. 345-6.

¹⁷ Коленкур А. Указ. соч. С. 269.

¹⁸ Письма солдатам были, по-видимому, розданы 8-9 ноября. Свидетельства тому см., например: РГАДА. Ф. 30. Д. 266. Л. 8, 51, 79 и др.

¹⁹ Letters interceptées par les Russes. P. 34.

²⁰ Ibid. P. 51.

²¹ Ibid. P. 119.

²² Ibid. P. 244.

²³ Среди писем М. Дюма дочери Корнелии такая помета есть на письме РГАДА. Ф. 30. Д. 249. Л. 5, в то время как на ЛЛ. 3, 9. подобных надписей нет.

²⁴ Там же. Л. 26, 30, 37, 45-об, 47-об, 50, 54.

²⁵ Там же. Л. 24, 25, 27, 32, 46, 51.

Чтобы получить письмо как можно раньше, желательно было находиться в непосредственной близости от Главной квартиры, иначе оно могло затеряться или, как минимум, быть отложено «в долгий ящик». Это правило касалось как эстафет, так и обычной почты. Поэтому А. Бейль жаловался аудитору Государственного совета г-ну де Ну (Noûe), что после назначения в Смоленск, скорее всего, не будет получать никаких вестей из Франции, так как курьеры будут проезжать мимо, не оставляя ему ни единой весточки²⁶. Видимо, до этого назначения будущий писатель активно использовал свое близкое знакомство с Государственным секретарем графом П. Дарю для быстрого получения собственной корреспонденции.

Иногда письма, поступившие с эстафетой в Главную квартиру, могли проследовать довольно причудливым маршрутом. Так, Коленкур в письме от 5 ноября к вдове маршала Ланна сообщает, что только теперь смог передать ее письмо от 11 сентября адъютанту Л. Гувион Сен-Сира²⁷. Можно предположить, что это послание проделало путь от Парижа до Москвы с императорской эстафетой (вдова любимого маршала императора, без сомнения, имела возможность пользоваться таким способом доставки корреспонденции), где его получил Коленкур. Затем вместе с ним оно поехало в обратном направлении, и только в Дорогобуже было передано адъютанту, который, возможно, сумел доставить его по назначению – в корпус маршала Гувион Сен-Сира, находившийся под Полоцком, на довольно большом удалении от основной армии и ее коммуникаций.

Кроме того, для того, чтобы пользоваться императорской эстафетой, необходимо было иметь надежных знакомых в Главной квартире, которые могли бы вложить письмо в портфель с документами, вручаемый курьеру. Так, майор императорской гвардии Луи Мишель Лефорт писал жене в Париж, что при передаче писем он может доверять только Нарбонну (граф Луи де Нарбонн был адъютантом императора), так как все остальные могут забыть вложить его письмо в эстафету²⁸. Такими возможностями и знакомствами могли похвастаться далеко не все, поэтому те офицеры, которые не имели непосредственного отношения к Главной квартире, очень дорожили связями с офицерами наполеоновского штаба. Так, некто Жорж писал своей жене, что, к сча-

²⁶ Letters interceptées par les Russes. P. 127.

²⁷ См.: Письмо № 14.

²⁸ Letters interceptées par les Russes. P. 186.

стью, нашел *способы* (выделено в тексте. – Н.П.) для ускорения их переписки, но нужно быть осторожными и не злоупотреблять ими²⁹. И даже генерал Груши просил свою жену отправлять через эстафету только не очень большие письма, а для более пространной корреспонденции пользоваться обычной почтой³⁰.

Кроме армейской почты и эстафет, любой офицер или военный чиновник, отправлявшийся с поручением из Франции в Россию или в обратном направлении, получал от родственников и знакомых пачки писем, которые на месте предстояло раздать адресатам. При такой доставке писем можно было рассчитывать на то, что цензура их не коснется, но срок получения корреспонденции мог растянуться на неопределенное время, ибо человеку, выполнявшему функцию курьера, далеко не сразу удавалось добраться до адресата, к тому же он мог и просто забыть о чем-нибудь письме. Однако такой способ нередко все же оказывался быстрее официальной почты. В письме уже упоминавшегося Жоржа от 30 сентября читаем: «Вчера я получил сразу три твоих письма. Два от генерала Б. от 23 и 30 августа, и одно по почте от 6 августа. Из этого ты можешь понять, что пересылка почтой занимает на 24 дня больше времени, чем другой способ»³¹.

Переписка с родными была очень важна всем участникам кампании: от рядовых солдат до генералов. Во многих письмах можно найти упоминания о том, с каким нетерпением их авторы ждут вестей от родственников и знакомых и какие усилия предпринимают для поддержания непрерывного сообщения с ними. Безусловно, у разных участников похода были разные для того возможности, иногда те, кто служил в частях, удаленных от Главной квартиры, совершали специальные экспедиции, чтобы получить вести из дома. Так, комиссар дивизии генерала Л. Партуно Плейоль де Бриа собирался направить в Главную квартиру нарочного с кавалерийским эскортом, чтобы переслать письмо жене во Францию и поискать ее письма, если они вдруг затерялись³². При этом де Бриа понимал, что подвергает своего гонца большому риску, но все равно шел на это, оговаривая, что, в случае необходимости, приложит все усилия для вызволения его из беды.

* * *

Чаще всего участники похода писали во Францию о на-

---

²⁹ Ibid. P. 62.

³⁰ Ibid. P. 136.

³¹ Letters interceptées par les Russes. P. 62.

³² См.: Письмо № 20.

сущных бытовых проблемах: самочувствии, питании и состоянии собственного гардероба. Сообщения на данную тему есть практически в каждом послании, тогда как сведения о боевых действиях встречаются заметно реже. Видимо, авторы писем, далеко не всегда обладая подробной информацией о ходе кампании, оставляли эту тему для официальных сообщений и в первую очередь для бюллетеней. Так барон де Бомон в письме к жене писал в основном о личных делах, а при упоминании Бородинского сражения и московского пожара прямо ссылаясь на бюллетени³³.

В том комплексе писем, что был использован мной при работе над настоящей статьей, из больших сражений описывается только вторая битва за Полоцк 18–20 октября. Альфонс де Верженн, капитан, адъютант генерала Думерка, в своем послании к отцу весьма подробно описал это сражение, в ходе которого войска генерала П.Х. Витгенштейна оттеснили корпус маршала Сен-Сира, что создало угрозу окружения Великой армии³⁴. Интересно отметить, что автор с довольно высокой точностью указал численность войск обеих сторон, что не очень характерно для той эпохи. Он утверждал, что во французской армии было около 20 тыс. чел. (современные исследователи оценивают ее численность в 16–18 тыс.), а в русской – 52 тыс. (по современным оценкам, вместе с отрядом генерала Ф.Ф. Штейнгеля, у Витгенштейна было примерно 49 тыс. солдат). Однако потери противника в этом сражении де Верженн заметно преувеличил, указав 18–20 тыс. вместо 8 тыс. Такое преувеличение было вполне в традициях того времени, кроме того, подобную неточность можно объяснить тем, что поле битвы в тот раз осталось за русскими войсками и французы едва ли могли точно оценить потери противника.

Бородинское сражение было настолько заметным и важным событием кампании 1812 года, что упоминания о нем встречаются в письмах даже несколько месяцев спустя. Так, мелкий чиновник интендантского ведомства Э. Рибо специально указывал в письме от 3 ноября отцу, что он сам не участвовал в Бородинском сражении, а только проезжал через поле битвы восемь или десять дней спустя. В описании увиденного он лишь ограничился общими словами о героизме французов и русских³⁵. Подобная краткость вызвана, вероятно, тем, что автор не хотел описывать ту страшную картину, которую он должен был увидеть на месте сражения.

³³ Letters interceptées par les Russes. P. 102.

³⁴ См.: Письмо № 10.

³⁵ См.: Письмо № 8.

Подробное описание могло лишь испугать домашних или стать поводом для цензоров не пропустить письмо по назначению.

Гораздо чаще в корреспонденции встречаются упоминания о столкновениях с русскими войсками, в которых авторы участвовали лично, а также перечисляются потери и награды друзей и знакомых. Командиры давали в письмах характеристику своим воинским частям. Генерал Компан в начале ноября писал жене, что его дивизия, несмотря на постоянное участие в боях, еще «находится в порядке и полна храбрости». Особых похвал от «Покорителя редутов» заслужил 57-й пехотный полк и дивизионная артиллерия³⁶. Но не все командиры были столь высокого мнения о своих подчиненных. Генерал Барагэ д'Ильер был, в отличие от Компана, крайне недоволен той дивизией, которую возглавил 6 октября 1812 г. Тогда она еще только начинала формироваться между Смоленском и Москвой из подкреплений, предназначенных для других полков³⁷. Описывая подчиненных, генерал отмечал их усталость от быстрых и продолжительных переходов, недостаточный численный состав и неопытность, в результате чего они, по его мнению, могут испугаться казаков при первой же с ними встрече³⁸. В следующем письме к жене от 4 ноября он вновь жаловался на то, что его часть «воюет неблестяще» и даже выразил надежду, что при соединении с основными силами Великой армии его дивизию расформируют³⁹. В последнем предположении Барагэ д'Ильер не ошибся, его дивизия, и правда, была расформирована в Смоленске. Однако причиной такого решения стало то, что в бою под Ляхово целая бригада из ее состава с генералом Ж.П. Ожеро, братом знаменитого маршала, сдалась в плен. Вина за это была возложена именно на Барагэ д'Ильера.

О русских войсках французы писали не столь часто, как этого можно было бы ожидать. Собственно упоминаний о кадровой армии в представленном комплексе писем совсем немного. При характеристике противника солдаты Великой армии, как правило, подчеркивали собственное превосходство, что вполне естественно для военного времени. При упоминании о возможности второй кампании в следующем году помощник военного хирурга Ф. Граналь выражает полную уверенность в грядущей победе.

³⁶ См.: Письмо № 16.

³⁷ Отечественная война 1812 года. Энциклопедия / Под ред. В.М. Безотосного и др. М., 2004. С. 48.

³⁸ См.: Письмо № 24.

³⁹ Letters interceptées par les Russes. P. 344.

В письме к жене от 7 ноября он заявлял: «если они (русские – *Н.П.*) не образумятся, мы пойдем и сожжем, или заставим их самих сжечь, Санкт-Петербург»⁴⁰. Чиновник Государственного секретариата Жюбиналь, подчеркивая значение успехов французов в текущем году, писал: «никто не предполагал, что французы в этом году захватят древнюю российскую столицу (Москву.– *Н.П.*)»⁴¹.

Намного чаще в письмах упоминаются действия летучих отрядов русской армии, которые сопровождали французские войска на всем пути их отступления, нападали на отдельные отряды, фуражиров, оставших и курьеров. Традиционно французы все такие части называли казаками, далеко не всегда разбираясь, из кого они в действительности состояли. На самом деле в такие отряды входили как иррегулярные войска (казаки, башкиры, калмыки), так и части регулярной армии (легкая кавалерия, драгуны, егеря и конная артиллерия). В Европе XVIII – начале XIX в. при описании казаков всегда подчеркивались восточные черты их облика и манеры ведения войны. Во время кампании 1812 г. среди французов получило распространение сравнение казаков с мамлюками. Такое сравнение объясняется тем, что после Египетского похода Бонапарта (1798–1801) о мамлюках во Франции знали довольно хорошо. Поэтому в общественном мнении Первой империи мамлюки, наряду с татарами, служили одним из символов восточной дикости и варварства. «Казаки воюют, как мамлюки, окружают и издают громкие крики», – писал Барагэ д'Ильер⁴². В свою очередь, маршал Бертье, обращаясь к Нею⁴³, да и сам император французов в 28-м бюллетене⁴⁴ сравнивал казаков с бедуинами, возможно, для того, чтобы избежать ненужных ассоциаций: в состав императорской гвардии входил эскадрон мамлюков.

В переписке можно найти немало высказываний относительно предполагаемого исхода кампании 1812 г. Находясь в Москве в сентябре–октябре, участники похода часто выражали надежду на скорый мир⁴⁵. После того как Великая армия оставила древнюю российскую столицу, стало ясно, что мир едва ли будет заключен в ближайшем времени и война с Россией продолжится и в следующем году. Однако еще сохранялась возможность спо-

⁴⁰ См.: Письмо № 21.

⁴¹ См.: Письмо № 5.

⁴² См.: Письмо 24.

⁴³ *Chuquet A.* Op. cit. Т. 2. Р. 208.

⁴⁴ *Moniteur Universel.* 1812. № 334.

⁴⁵ Подробнее см.: *Земцов В.Н.* Наполеон в Москве // ФЕ 2006. М., 2006. С. 199-218.

койного отдыха на зимних квартирах. «Если даже у нас не будет мира, у нас будет небольшой отдых», – писал 7 ноября граф Межан своей супруге⁴⁶. В расчете на долгую российскую зиму Плейоль де Бриа даже надеялся успеть повидаться с женой. Он надеялся, что ему удастся получить отпуск на то время, пока армия будет стоять на зимних квартирах⁴⁷. Никто еще не предполагал возможности поражения в России.

Поскольку официальная информация из России поступала не регулярно, а сведения о погибших и раненых доходили и вовсе фрагментарно, оставшиеся во Франции нередко именно из частных писем и узнавали о судьбе своих родственников. Зная об этом, Коленкур специально написал герцогине Монтебелло, вдове маршала Ланна, о судьбе ее брата, барона Шарля Геенека, раненного под Полоцком 20 октября⁴⁸. Смерть полковника А. Лебрена в окрестностях того же Полоцка нашла отражение в двух письмах публикуемой ниже небольшой подборки. Это можно, в частности, объяснить происхождением погибшего, который был младшим сыном архиказначея Империи.

Иногда во Францию писали и о судьбе родственников, проживавших в России до начала войны. Так, чиновник Государственного секретариата Жюбиналь пишет своему знакомому нотариусу в департамент Верхние Пиренеи о том, что его дядя Ж.Б. Трассен де Виси, служивший в России учителем, был обнаружен им в списках гражданских лиц, которым, по приказу императора, выделялась помощь как пострадавшим от московского пожара. Самого господина де Виси Жюбиналю повстречать не удалось, о чем он и сообщил с сожалением⁴⁹.

Московский пожар произвел огромное впечатление на французов, о чем можно судить по числу его упоминаний в письмах⁵⁰. После выхода Великой армии из Москвы практика сожжения русскими собственных городов по-прежнему обсуждалась в переписке. Уже упоминавшийся Граналь подчеркивал в своем письме, что Москву, Вязьму, Дорогобуж и Смоленск сожгла сама русская армия, но ни слова не написал о том, что досталось Великой армии в этих городах и что удалось уберечь от огня⁵¹. Жюбиналь, описывая состояние живших в Москве французов, отмечал:

⁴⁶ См.: Письмо № 22.

⁴⁷ См.: Письмо № 20.

⁴⁸ См.: Письмо № 14.

⁴⁹ См.: Письмо № 5.

⁵⁰ Подробнее см.: *Земцов В.Н. Указ. соч.*

⁵¹ См.: Письмо № 21.

«Все они в большей или меньшей степени являлись жертвами пожара, и все испытывали лишения, совершенно не имея хлеба»⁵². Курьер Главной квартиры Бастие был еще более резок в оценке результатов подобной тактики русских: «Мы здесь так несчастны, как это может быть в пустынной стране, в которой осталось лишь то, что уцелело от огня пожаров, которые повсюду разжигают эти негодяи русские в надежде спастись. У нас нет ни дома, где можно было бы найти приют, ни соломы, чтобы устроить бивак»⁵³. Это мнение несколько расходилось с тем, как эффективность подобной тактики описывали официальные бюллетени⁵⁴.

Важнейшими вопросами во время войны для всех без исключения участников похода были проблемы снабжения и ночлега. В период отступления Великой армии из Москвы эти темы стали одними из самых обсуждаемых в переписке. Практически ни один корреспондент не обошел их стороной в своих письмах, даже генерал Дюма, исполнявший на протяжении большей части кампании функции интенданта всей армии, жаловался на «неудобства бивуаков»⁵⁵. Свидетельства тех, кто в силу своего служебного положения или родственных связей получал лучшее снабжение и преимущества при распределении мест для ночлега, косвенно демонстрировали глубину проблем, с которыми сталкивались «непривилегированные» участники кампании.

Интересным свидетельством о бытовой жизни Великой армии может служить письмо Эдуара де Рибо к отцу. С одной стороны, молодой человек явно находился в неплохих условиях. Он имел возможность регулярно пользоваться гостеприимством своего дяди П. Дарю, обедая, а иногда и завтракая у него. Неся службу при Малой императорской квартире, Рибо был в лучшем положении, чем большинство его товарищей, что он открыто признавал в письме к отцу⁵⁶. Однако и в его письме можно найти несколько свидетельств того, что повседневная жизнь армии Наполеона была весьма сложной. Так, он писал, что спит каждую ночь под открытым небом, земля служит ему матрацем, а шинель – подушкой, и это при том, что, по его же словам, «уже десять

⁵² См.: Письмо № 5.

⁵³ См.: Письмо № 1.

⁵⁴ Например, 20-й бюллетень Великой армии сообщал, что в результате пожара «... запасы хоть и уменьшились, но включают в себя еще много всего. Есть в изобилии хлеб, картофель, капуста и овощи, мясо, вино, водка, сахар, кофе и другие продукты» – *Moniteur Universel*. 1812. № 278.

⁵⁵ См.: Письмо № 17.

⁵⁶ См.: Письмо № 9.

дней заморозки и очень холодно»⁵⁷. Упоминания об имеющихся у него шубах и лисьей шкуре должны были свидетельствовать о защищенности от холода, однако тут же он сообщает, что ноги у него уже мерзли и сейчас ему тоже холодно.

Чтобы трудности похода не слишком пугали адресатов, авторы часто повторяли, что у них все в порядке. Иногда такие фразы встречаются в одном послании по нескольку раз, хотя при более внимательном прочтении можно понять, что дела обстоят совсем не так хорошо. Полковник инженерных войск Пюни де Монфор-Булар 1 ноября писал жене: «Хоть и не очень здорово ночевать на бивуаке при 6 градусах мороза, уверяю тебя, что это не так плохо, совсем не так плохо, как ты это себе представляешь»⁵⁸.

Снабжение солдат Великой армии на протяжении всей кампании было поставлено не лучшим образом. В период наступления интендантские службы часто не успевали доставлять необходимое количество продовольствия из-за того, что армия быстро удалялась от основных баз снабжения. Позже начала сказываться растянутость коммуникаций наполеоновской армии и ограниченность ресурсов на оккупированной ею территории. Однако участники похода до определенной степени компенсировали недостатки в работе интендантской службы грабежом местного населения. Бастие, например, прямо признавался в необходимости мародерства: «Приходится мародерствовать и для этого удаляться на 6–8 лье, чтобы найти что-нибудь, что не даст умереть (с голоду – *Н.П.*), и часто этот поход оказывается кратчайшей дорогой к смерти»⁵⁹. Другой участник похода Б. Бростаре в письме отцу в департамент Ло и Гаронна роптал на интендантскую службу Великой армии: «Нас снабжают примерно на одну двадцатую [от того, что должно быть], как это понимают аудиторы». Однако при этом он не жаловался на голод, и даже, наоборот, утверждал, что с начала кампании «мы редко испытывали недостаток в продовольствии, а в Москве у нас было изобилие»⁶⁰. Свидетельством относительного изобилия должен был служить тот факт, что полученные им от некоей мадам Р. два фунта шоколада он старается сберечь на случай битвы, что вряд ли было бы возможно в случае голода. Такое несоответствие между количеством получаемых припасов и реальными потребностями в продовольствии,

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 30. Д. 267. Л. 1–2.

⁵⁹ См.: Письмо № 1.

⁶⁰ См.: Письмо № 26.

которые, как видим, тогда еще вполне удовлетворялись, могло быть преодолено только с помощью мародерства, о котором автор письма умалчивает.

Во время отступления многие солдаты Великой армии были вынуждены регулярно ночевать под открытым небом, прямо на земле или в повозках. Большой удачей было попасть на ночлег в любой дом, будь то помещичья усадьба или крестьянская изба. Капитан Старой гвардии Луи Бро с радостью писал жене 5 ноября: «По счастливому случаю сегодня в качестве жилища у меня крестьянский дом или, точнее хижина. Я укрылся от снега и ветра, и мои пальцы отогреваются»⁶¹. Днем ранее Верженн высказался более резко о том жилище, где остановился на ночлег с генералом Думерком: «мы расположились в крестьянской лачуге, а в этой милой стране сельские жители живут в печах едва открытых свету дня». Но и он признавал, что найти на ночь даже такое место было большой удачей⁶².

Еще одной острой проблемой, с которой Великая армия столкнулась после ухода из Москвы, был чрезвычайный недостаток лошадей для кавалерии, артиллерии и транспорта. Между Москвой и Смоленском иногда удавалось купить лошадей у местного населения или у мародеров. Но после того как по этим территориям в конце лета – начале осени прошли две армии лошади, годные к службе, оказались в большом дефиците. Возможно поэтому Бонифаций Кастеллан в письме от 6–13 ноября четко разделял тех лошадей, которых привел из Франции (их он называет исключительно по кличкам), и тех, которых купил в России, последние презрительно обозначались в его корреспонденции собирательным *konia*. Впрочем, похоже, эти лошади действительно были не лучшего качества. По утверждению Кастеллана, две из них, купленные в Дорогобуже, не дошли даже до Смоленска, прослужив хозяину менее пяти дней⁶³.

Личные успехи в службе очень сильно влияли на отношение участников к походу в целом. Инспектор смотров Делекур писал жене, что маршал Даву, кажется, попросил для него титул барона. И добавлял: «Если мне его пожалуют вместе с дотацией, тогда, разумеется, можно будет считать, что я провел великолепную кампанию, поскольку моя судьба будет обеспечена хорошим

⁶¹ См.: Письмо № 15.

⁶² См.: Письмо № 11.

⁶³ См.: Письмо № 18.

состоянием»⁶⁴. Рибо писал, что рад начать службу «с трудной и утомительной кампании»⁶⁵. Для молодого человека двадцати двух лет он уже сделал неплохую карьеру. Рибо благодаря родству с графом Дарю получил хотя и небольшой, но безопасный и сулящий удачную карьеру пост в интендантском ведомстве. Успехи в карьере очень сильно зависели от наличия влиятельных покровителей. Об этом свидетельствует большое количество просьб от различных родственников и знакомых об устройстве их сыновей, обращенных, например, к генералу М. Дюма⁶⁶.

Однако не все были настроены столь оптимистично. Явную усталость от войны выказывал чиновник Государственного секретариата Рейон. В письме матери он признавался, что его очень пугает необходимость в следующем году вернуться в Россию с Великой армией, и выражал надежду на то, что его супруга позволит ему отказаться от дальних служебных поездок и остаться во Франции⁶⁷. В письме к жене он еще подробнее поведал о своем желании перестать ездить в далекие служебные командировки, даже если это будет связано с заметным сокращением их доходов. Для воплощения такой мечты он просил ее использовать свои связи и попытаться добиться для него другой должности в Государственном секретариате⁶⁸. Сходные настроения высказывал и Бейль. Еще 24 августа он писал своему другу Феликсу Фору в Гренобль, что не очень-то счастлив, попав на эту войну, и что никакая «самая завидная лента через плечо не могла бы, кажется, вознаградить меня за ту грязь, в которой я увяз»⁶⁹. В конце ноября он уже прямо высказывался в письме к сестре Полине, что хотел бы вернуться в свою любимую Италию и больше не появляться в армии⁷⁰. И это при том, что Бейль занимал видный пост в интендантской службе и мог считать вполне успешной свою карьеру, которой способствовала его близость все к тому же графу Дарю.

Были люди и совершенно недовольные своим положением в армии. Генерал Барагэ д'Ильер, получив в свое распоряжение сводную дивизию, так писал жене о своей должности: «Те должности, на которые меня тут назначают, не походят ни на милость,

⁶⁴ См.: Письмо № 3.

⁶⁵ См.: Письмо № 9.

⁶⁶ См.: Письмо № 17.

⁶⁷ См.: Письмо № 6.

⁶⁸ См.: Письмо № 7.

⁶⁹ *Стендаль*. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 15. Письма. М., 1959. С. 107-108.

⁷⁰ Там же. С. 133.

ни даже на справедливость»⁷¹. Столь резкое высказывание связано с тем, что генерал начал службу под командованием Наполеона еще во время Египетского похода и за эти годы продвинулся по карьерной лестнице не столь высоко, как другие. Видимо, это и заставляло Барагэ д'Ильера считать себя обойденным.

Никакие тяготы войны не заставили участников похода забыть о личных финансовых и семейных делах и даже об увлечениях. Инспектор смотров Жозеф Делекур за всеми трудностями похода не забыл подать прошение императору о предоставлении его сыну бесплатного места в лицее, о чем и сообщал в письме к жене⁷². Письмо к некому Кристиану, перешедшему в четвертый класс, видимо, от бывшего учителя, целиком посвящено вопросам учебы и наставлениям⁷³. А барон Сопранси подробно описывал, как должна выглядеть его библиотека, которую он просил для него сформировать⁷⁴.

* * *

Личная переписка участников похода Наполеона в Россию является неоценимым источником по целому ряду аспектов истории войны 1812 г. и Наполеоновской эпохи в целом. Она содержит множество полезных сведений для исследователей истории быта и повседневности Великой армии, а также – истории представлений французов о России. В отличие от мемуаров эти свидетельства современны событиям и выражают непосредственное впечатление от увиденного: авторы, в силу ограниченного объема текстов и недостатка времени, редко пытались анализировать увиденное. У них не было и желания заинтриговать читателей, как у авторов позднейших воспоминаний. Определенный отпечаток на содержание корреспонденции и оценки происходившего накладывала разве что боязнь авторов напугать своих адресатов изображением тяжелых условий войны. Существование «черного кабинета», который не пропускал излишне пессимистичные послания, также заставляло участников похода смягчать описания собственной жизни в России. По этим же причинам, в личной корреспонденции редко можно найти сведения, способные помочь в уточнении фактической истории кампании. Описания битв и сражений авторы оставляли для официальных источни-

⁷¹ См.: Письмо № 24.

⁷² См.: Письмо № 3.

⁷³ См.: Письмо № 25.

⁷⁴ См.: Письмо № 19.

ков, тогда как родным и знакомым чаще писали о своих собственных проблемах и переживаниях. Во время отступления Великой армии от Москвы до Смоленска бытовые условия приобрели еще большее, чем ранее, значение из-за приближающейся зимы и необходимости провести ее в стране с гораздо более холодным климатом, чем во Франции. Поэтому практически ни одно послание не обходилось без описаний ночлегов, одежды и питания участников похода. И едва ли не каждое из них служило косвенным подтверждением правоты императора Александра I, прозорливо заявившего еще за год до начала этой войны: «Француз храбр, но долгие лишения и плохой климат утомляют и обескураживают его. За нас будут воевать наш климат и наша зима»⁷⁵.

---

⁷⁵ Коленкур А. Указ. соч. С. 54.